

Зоя Ласкина

Лада Змеева

ЦИНЬ ПОЕТ НЕБЕСАМ О ПЕЧАЛИ

НОВЕЛЛА

МИО

МИФ Проза

Зоя Ласкина

Цинь поет небесам о печали

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос)6-445.13

Ласкина З.

Цинь поет небесам о печали / З. Ласкина — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281094-9

Си Цзисин ищет ответ на вопрос. Янь Инцзы хочет помочь другу. Чжао Чэньшэ должен защитить брата. Тот, кто давно потерял смертную суть и плоть, возвращается обратно. Мелодия циня, сокрытая сотни веков, отбирает у Си Цзисина друга, но пробуждает ото сна человека, помнящего силу древних заклинателей и их еще более древних покровителей. Да только человека ли? Приняв помощь незнакомца и безрассудно вмешиваясь в дела великих кланов, Цзисин может только идти до конца. Есть ли что-то, чем он не готов рискнуть, пытаясь отомстить и добраться до правды? Но мелодия зовет не только его, как и не только его волнует чужая смерть. Когда цинь поет, в стороне не могут остаться ни простые люди, ни заклинатели, ни... боги.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281094-9

© Ласкина З., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Пролог	8
Глава 1. Среди всех инструментов цинь – самый изысканный	9
Глава 2. Среди ста цветов дикая слива – самая благородная	20
Глава 3. Вода нежнее и слабее всех вещей	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Зоя Ласкина, Лада Змеева

Цинь поет небесам о печали

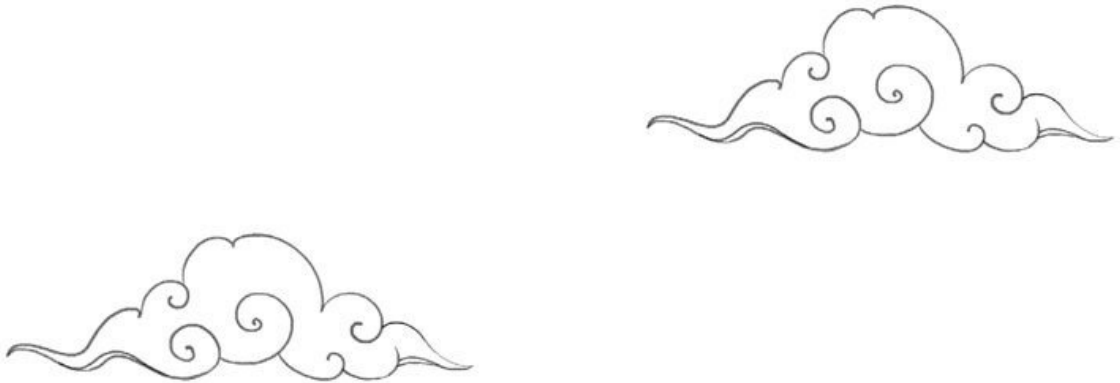

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Змеева Л., Ласкина З., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Одна добрая мысль водворит согласие в целом мире. Одна крупница чистоты сердца будет благоухать сотню веков¹.

Древние не видят сегодняшней луны, но сегодняшняя луна некогда освещала древних².

¹ Высказывание Хун Цзычэна – китайского писателя, поэта и философа XVII века, автора книги «Вкус корней» – сборника афоризмов циньянь (букв. «чистые изречения»). Перевод В. В. Малявина. Здесь и далее прим. авт.

² Китайская пословица.

Пролог

Есть старинная легенда о сотворении – точнее, пробуждении мира. Были неподвижной земля и безмолвным небо, пока чудесным образом не явились верховные божества Дракон и Феникс, вдохнувшие в землю и небо жизнь. Древние философские трактаты называют встречу – точнее, брачный союз – этих божеств первопричиной зарождения энергии ци, которая, согласно упомянутым трактатам, разделилась на инь и ян. Эти противоположности как две противоборствующие силы и запустили разделение прежде беспредельного бытия. Отсюда и пошли понятия света и тьмы, неба и земли, прошлого и будущего. В дуальности большинства явлений не приходится сомневаться, как и в существовании ци, доказанной веками научных экспериментов и серьезной работы. В конце концов, само существование ци, как и ее совершенствование, успешно демонстрируют заклинатели, и ныне являющиеся частью общества, пусть и утратив политическое влияние.

Однако Дракон, Феникс и их дети, ставшие покровителями первых заклинательских кланов, – не что иное, как красивая легенда о зарождении общества и государственности. Во времена, от которых не осталось сколько-нибудь внятных и внушающих уважение письменных источников, закономерно было обожествлять силы природы, небесные светила, созвездия и даже животных. Анимализм современная наука склонна рассматривать как вариант первобытной религии – а значит, вполне логичными выглядят имена сыновей и дочери верховных божеств: Лазурный Дракон, Красная Птица, Белый Тигр, Черная Черепаха, Летучая Рыба, Жемчужный Дельфин, Желтый Журавль, Голубой Феникс.

Да, древность и жизнестойкость этой легенды о богах и пробуждении мира вызывает уважение, однако согласитесь, что верить ей в наше время – признак незрелости ума. Были и другие легенды о других богах, которые теперь помнят единицы, но мы не можем с уверенностью утверждать, что все эти боги существовали в действительности. Ветер уносит облака, роса испаряется под лучами солнца – так и мировоззрение людей меняется с течением времени.

Си Линлань, выдержка из цикла статей «Эволюция культуры и религии» для «Зеркала Жэньго»

Глава 1. Среди всех инструментов цинь – самый изысканный

«Если реставратор хочет достичь успеха в своем деле, ему следует развивать умение концентрироваться на задаче, эрудицию и ответственность, а также любить историю, постоянно учиться и совершенствоваться. А еще быть усидчивым и терпеливым – не каждый предмет готов покориться сразу даже зоркому глазу и умелым рукам, с некоторыми придется договариваться, если не приручать, как дикого зверя». Так говорил один из преподавателей Си Цзисина, почтенный профессор и признанный специалист, и Цзисин был с ним согласен, по крайней мере сегодня.

С гуцинем, который достался ему в этот раз, договориться не удавалось долго. Инструмент попал к молодому реставратору из частной коллекции и требовал особого внимания и ухода: отсутствовал хучжэнь³ – очевидно, отвалился со временем; оба «пруда», и «фениксов», и «драконов»⁴, были забиты свалывшейся пылью и трухой, старинные шелковые струны – порваны или изношены. Повреждения казались серьезными, но на деле были весьма незначительными для гуциня, изготовленного примерно в 500 году после С. г.⁵ Скорее всего, он просто лежал в хранилище, защищенный от вандализма и погодных условий, но не от времени, – и время оставило след.

А прежде... прежде его явно любили, на нем явно играли. Ведь как можно не любить настолько прекрасный инструмент и не давать ему звучать?

Уцелевшие струны Цзисин снял еще пару дней назад, тогда же протер поверхность специальным средством, чтобы убрать грязь и пыль, тщательно вычистил щеткой оба «пруда» и оставил подсыхать. Сегодня можно было уже приступить к удалению старого слоя лака. Если бы Цзисин выполнял заказ для музея, он не снимал бы прежнее покрытие, а пытался восстановить его, удаляя лишь очевидные сколы и заполняя глубокие трещины воском, на который потом лег бы новый слой лака. Однако нынешний владелец циня дал четкие указания: восстановить изделие до той степени, чтобы его вновь можно было использовать. Значит, он должен не только вернуть гуциню голос, но и помочь сбросить сотни прожитых лет.

³ Хучжэнь – щиток для защиты колков в нижней части гуциня, крепится к нижней деке. Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.

⁴ «Пруд фениксов» – малое резонансное отверстие на нижней деке гуциня. «Пруд драконов» – большое резонансное отверстие там же.

⁵ То есть после Сошествия гор. Сошествием гор историки государства Жэньго называют масштабную природную катастрофу, случившуюся около тысячи шестисот лет назад, в результате которой сильно пострадали горные владения закланельских кланов Цинь Сяньян и Чу Юн.

Вооружившись наждачкой, Цзисин принялся за ошкуривание корпуса.

– Знаю, господин цинь, непросто будет запеть после стольких веков, но будьте уверены – этот скромный мастер сделает все от него зависящее, – сказал он и хмыкнул невольно. Будь здесь старшая сестра, непременно буркнула бы что-то вроде: «Опять со своими деревяшками беседуешь! Ты что, древний отшельник? Вышел бы на улицу, встретился с друзьями, воздухом подышал! Только и знаешь, что работать да в юйван⁶ сидеть!» Впрочем, Линлань никогда не злилась на брата всерьез: ее жизнь тоже была неразрывно связана с древностями. Она изучала историю Жэньго, писала статьи для научных порталов, ездила в музеи и на раскопки, но прежде всего ее интересовали люди, с которыми можно было поговорить. Предметы истории и искусства оставались для нее вторичными.

Цзисин же любил работать именно с ними. Люди могли обмануть, замолчать важные сведения, просто отказаться общаться, но вещи – никогда, если найти к ним подход. Особенно музыкальные инструменты, созданные для музыки и пения. Петть проще, чем говорить, пением можно рассказать обо всем, что нужно. Это не было фантазией Цзисина, что бы ни думала по этому поводу Линлань, – многие исследователи считали, что петть древние люди научились гораздо раньше, чем освоили устную речь, и считали явно недаром.

Закончив с первым ошкуриванием, Цзисин взял другую наждачку, менее грубую, для удаления остатков лака. Руки работали, а мысли уносились далеко, в школьные времена, когда их с классом возили на экскурсию во Дворец Дракона, восстановленную древнюю резиденцию заклинательского клана Хань Ин – увы, ныне несуществующего. Этот некогда влиятельный клан занимал значительные земли в центре Жэньго, пользовался милостью и расположением династии Чэнь, четвертый император которой, Чэнь Шэньсинь, был в большой дружбе с Хань Дацзюэ, тогдашним главой клана. Время правления династии Чэнь, как и правление династии Цинь, урожденных заклинателей, клан благополучно пережил, оставаясь в тени. Выжил он и в период раздробленности и междоусобных конфликтов; потом брошенную власть подобрал Хань Дасинь и стал новым императором. Говорили, он полностью унаследовал величие и красоту своих предков; говорили, его благословил сам Лазурный Дракон, божественный покровитель клана; много чего говорили. Кто теперь разберет, сколько правды в тех словах? Точно известно только, что через двести пятьдесят лет увяла и династия Хань, начало которой дал этот стойкий сердцем⁷ заклинатель. Однако заложенный им город Синьду⁸ оставался столицей и по сей день, пульсируя жизнью на перекрестке водных, наземных и воздушных путей, заменив собой древний Ин, столицу клановых земель и династии Цинь. А вот Дворец Дракона не пережил столетий и был восстановлен лишь в нынешнем веке силами оставшихся заклинателей. Да и то не полностью: Цзисин видел в центральном павильоне макет прежней резиденции, видел и планы-чертежи на дорогой бумаге с шелковой нитью, выложенные под стеклом витрин. Когда-то вдоль реки вилась цепь зданий, сверху и впрямь походивших на вытянувшегося на берегу дракона. Теперь от туловища остались лишь голова, шея и правая лапа; также были восстановлены главные ворота цвета киновари, внутренние резные ворота, изображавшие сцены из истории клана, и главный двор. Бывшее жилище главы отдали под музей, где собрали уцелевшие личные вещи, предметы быта и рукописи.

«Помимо Хань Дасиня, первого императора династии Хань, история сохранила имя его славного предка Хань Дацзюэ, – рассказывал экскурсовод. – Он был известен не только как редкой красоты мужчина, но и как мудрый и рачительный глава, сумевший восстановить клан после так называемой битвы с чудовищной огненной птицей. Маловероятно, что речь идет

⁶ Юйван (досл. «нефритовая сеть») – единое виртуальное пространство, используемое жителями Жэньго для работы, учебы, поиска информации и общения.

⁷ Отсылка к имени Хань Дасиня, которое означает «стойкий сердцем».

⁸ Древнее название современного города Чэнду в Китае.

о настоящем чудовище. Скорее всего, так метафорически древние хронисты называли некоего внешнего врага, угрожавшего землям Жэньго, против которого объединились все семь заклинательских кланов. Для старинных хроник характерны подобные преувеличения и художественные образы. Наверняка имелись в виду кочевники сюнну⁹, склонные сжигать все на своем пути. Их вторжение могло совпасть по времени с природными катаклизмами наподобие землетрясения. По данным геологов, местность на границе земель Сяньян и Юн, нынешних провинций Сяньчу и Юнмин, часто от них страдала: первым масштабным землетрясением стало легендарное Сошествие гор, а менее чем через сто лет случилась и «битва с чудовищем». Как бы то ни было, Хань Дацзюэ смог вывести клан из упадка, оставив по себе не только добрую память в народе, но и сборник сочиненных им мелодий. Составлен сборник был еще при жизни главы, но окончательное оформление получил уже в период династии Хань вместе с названием «Ханьские мелодии», под которым известен и по сей день. Невероятно, но сохранился и гуцинь Хань Дацзюэ, Синь Шэн-чу¹⁰, – его вы можете увидеть в главном зале...»

Во время речи экскурсовода Цзисин обратил внимание на хранителя музея, старого заклинателя в цветах клана У Миньюэ – нефритово-зеленом и коричневом. Именно этот клан, процветающий и поныне, многое сделал для сохранения памяти о прошлом, немало средств и сил вложил в реставрацию Дворца Дракона – и, очевидно, знал какую-то другую правду, не ту, что рассказывали на экскурсии, судя по тому, как укоризненно качал головой старик на словах о вымышленном чудовище. Однако потом Цзисин позабыл и о сомнениях, и о старике-хранителе, едва увидел тот самый гуцинь.

Он стоял на возвышении в застекленной витрине и почти светился в лучах солнца, проникавших сквозь искусную систему окон в потолке. Мягко поблескивало светлое лакированное дерево, и трещины, разбежавшиеся по лаку за минувшие столетия, напоминали то ли разломы во льду замерзшего озера, то ли силуэты облаков на рассветном небе. Под корпусом был бережно расстелен белоснежный чехол, и собранные из серебристых нитей кисти походили на драгоценности, затерявшиеся на дне реки. Рекой, длинной и светлой, был сам гуцинь – несомненно, той самой Дацзиньхэ, на берегах которой стоял Дворец Дракона и у которой наверняка сочинял свои мелодии легендарный глава. Рекой, текущей в этот самый миг сквозь сердце замершего в восхищении Цзисина. «Неужели когда-то мир и правда был полон чудес? Неужели и правда бессмертные заклинатели парили в облаках и повелевали стихиями? – подумал Цзисин, еще мальчишка, и следующей мыслью было: – Как жаль, что мир уже не тот...»

В конце экскурсии им поставили запись мелодии из сборника Хань Дацзюэ под названием «Одна радость». И когда музыка рассыпалась серебром, вобрала в себя и шум реки за окнами резиденции, и шелест ветра в прибрежных ивах, зазвучала голосом памяти и надежды, Цзисин уже знал, чему хочет посвятить жизнь. Тому, чтобы эта прекрасная мелодия не умолкала.

Родители к его желанию стать реставратором отнеслись довольно спокойно. Мать, конечно, вздохнула: «Почитание прошлого и предков, безусловно, важно, но я надеялась, что ты выберешь что-то более современное». Отец же сказал: «Есть два вида совершенных людей: те, кто умер, и те, кто еще не родился. Удел всех остальных – искать свой путь, ошибаться и надеяться на правильный выбор. Чего мы могли ожидать, называя сына подобным образом?»¹¹ Честь семьи ты сохранишь, репутацию в таком деле заработаешь. Иди!»

С честью семьи все было в порядке и без участия Цзисина. Увлечшись прошлым, он проследил историю Си едва ли не до Сошествия гор; пришлось, конечно, покопаться в архивах и

⁹ Сюнну – древний кочевой народ, на рубеже тысячелетий населявший земли к северу от Китая. Для защиты от них было начато строительство Великой Китайской стены.

¹⁰ В переводе с китайского «глубина сердца», «в глубине сердца», «глубоко в сердце».

¹¹ Имя «Цзисин» переводится как «память». Список всех персонажей с именами и их значениями можно посмотреть в примечаниях в конце книги.

побеседовать с родственниками разной степени дальности. Поиски в юйван тоже дали результаты – хотя отделить реальность от вымысла в найденном оказалось решительно невозможно.

И тем не менее он смог выяснить следующее.

Род Си восходил к трем (по некоторым источникам, четверем) братьям. Достоверно было известно о двоих: Си Сяньцзань, владелец лавки тканей, прославился как успешный предприниматель и отважный путешественник, торговавший со странами на далеком Западе и лично возивший товары по Великому пути чудес; Си Иши, чиновник первого ранга, считался родоначальником археологии, много сделавшим для восстановления отношений простых людей и заклинателей и сохранившим для потомков значительную часть наследия прежних времен – его находки до сих пор выставлялись в музеях в законсервированном Сяньяне, древней столице клана Цинь, и в Синьду, а разработанные им законы по-прежнему служили основой современного права.

Касательно третьего и четвертого братьев информации почти не нашлось. В «Записках о деяниях Ин-ди, четвертого императора, и его прославленных приближенных, составленных чжунсань гунчжу¹² Лю Сюли», одном из немногих сохранившихся полных и доступных источников о той эпохе, вскользь упоминался Си Ючжэнь, монах-даос, «чья судьба была подобна яшмовой росе на золотых листьях»¹³. Судя по сожалениям автора «Записок», долго Си Ючжэнь не прожил, однако напрямую о его смерти не говорилось.

Конкретных сведений о четвертом брате Цзисин также не нашел, но в тех же «Записках» семья Си называлась «несчастливой, сполна рассчитавшейся со смертью за зловещее число», а значило это, скорее всего, одно: созвучие фамилии со значением «четыре» и слова «смерть». Соответственно, братьев могло быть четверо. Слабый след обнаружился в поэтическом сборнике той эпохи авторства некоего Сунь Хэпина: целое стихотворение посвящалось судьбе четырех братьев, в двух из которых явственно узнавались Си Сяньцзань и Си Иши, третий описывался как «сменивший тишину и уединение монастыря Владык на грот бессмертия», а четвертый – как «гордый сын равнин и гор, чей духовный меч навеки остался в Небесных садах». Единственное, что понял Цзисин: четвертый брат, очевидно, был заклинателем, но его существование ставилось под сомнение еще более, чем третьего брата Си Ючжэня, монаха из «монастыря Владык». По крупицам собирая сведения, Цзисин пришел к выводу, что в стихотворении упоминался монастырь Тяньбаожэнь, посвященный Небесным покровителям, некогда располагавшийся в землях клана Хань Ин. Народные сказки эпохи династии Цинь рассказывали еще о некоем Белом монахе, прекрасном и праведном, спящем зачарованным сном в потаенном гроте в горной долине, где растут персики, дарующие бессмертие. Исследователи фольклора полагали историю о Белом монахе вариацией легенды о Персиковой долине, чудесном месте вдали от войн и несчастий, но Цзисин был почти уверен, что этот монах – личность вполне реальная, и считал Си Ючжэня наиболее вероятным кандидатом на эту роль.

Словом, предки – известные или предполагаемые – прославились где только могли. Про Си Иши до сих пор писали книги и снимали кино, приписывая неподкупному чиновнику и блестящему археологу все новые приключения; в честь Си Сяньцзаня назвали улицу в Чаньяне, городе, где когда-то начинался Великий путь чудес, и поставили памятник в родном Хофэе; а у Белого монаха как-то в период междоусобицы даже объявились последователи, звавшие себя детьми Бессмертия и поклонявшиеся ему как богу. Прочие родственники за минувшие века отметились разве что на государственной службе, большей частью тихо и незаметно трудясь на благо родины. И вот теперь подошла очередь Цзисина.

¹² Чжунсань гунчжу – авторский неологизм для титула, комбинация из «чжунсань» («чиновник V класса») и «гунчжу» («принцесса, княжна, дочь владетельной особы»). Таким образом, автор «Записок» Лю Сюли – женщина, облеченная государственной властью и занимающая важный пост.

¹³ Перефразированное крылатое выражение – чэньюй «золотой ветер и яшмовая роса». Так говорят о чем-то прекрасном, но скоротечном. «Золотым ветром» в китайской традиции называют листопад.

Вынырнув из мыслей, он легко улыбнулся инструменту в своих руках:

– Как видите, господин цинь, история моей семьи весьма занята. Один предок открыл Великий путь чудес, другой оказался прославленным в веках чиновником, третий – и вовсе Белым монахом. Четвертый, похоже, был заклинателем... А я инструменты реставрирую. Дело ничуть не хуже, верите ли.

Отложив наждачную бумагу и смахнув деревянную пыль с корпуса, он взял широкую мягкую кисть и стал наносить смывку поперечными движениями: после ошкуривания требовалось окончательно удалить старый лак. Дело пошло быстро, и вскоре Цзисин уже подхватил миску с водой, другую кисть и мягкую салфетку, бережно промыл корпус гуциня от остатков покрытия и поставил инструмент на просушку. На лишенной лака мокрой поверхности четче проступили древесные узоры – как письма на тайном послании, которое намочили и подержали над огнем. Интригующе и красиво, словно жаждущий быть раскрытым секрет.

– Вы понравились бы Ху-гэ¹⁴, господин цинь, и он бы понравился вам...

Сказал – и запнулся, точно врезавшись на середине движения в прозрачную стену из самого крепкого стекла. Сколько раз за прошедшие месяцы он ловил себя на мысли, на слове, на ощущении: это надо показать Ху-гэ, об этом рассказать, это обсудить... А потом вспоминал вдруг, что того больше нет. Быть может, все дело в том, что Цзисин не видел его мертвым? Кто пустил бы его на похороны... Он лишь слышал пронзительную песню гуциня, видел искаженное агонией, укрытое тенью лицо – на той записи, что принес ему Чжао Чэньбо ненастной ночью полгода назад, на той проклятой записи.

Цзисин всегда звал его Ху-гэ: тот был старше на пять лет, но и в ином случае он не смог бы обращаться к нему по-другому. Да, по факту Вэй Тяньху не был бессмертным заклинателем – слишком далеко ушел от своего клана и от пути меча, – но все же проглядывало в его глазах и всем облике что-то такое, что заставляло вспоминать легенды о парящих в облаках заклинателях и божествах.

Они познакомились несколько лет назад на выставке традиционных инструментов, устроенной кланом У Минъюэ. Цзисин тогда только окончил обучение и ездил по стране, набираясь опыта и присматриваясь к потенциальным заказчикам. Та выставка проходила в Башне Ветров, древней клановой резиденции, где когда-то заклинатели со всей Жэньго собирались на Советы, а на верхнем этаже стояли приборы для наблюдения за небесными светилами. Цзисин задержался у стенда с эрху и его многочисленными разновидностями и так ушел в себя, что вздрогнул, услышав:

– Многие музыкальные теоретики называют эрху варварской скрипкой.

– Строго говоря, эрху не скрипка, а варварство – понятие субъективное, – машинально отозвался Цзисин и лишь потом повернулся к говорившему.

За окнами просторного зала на первом этаже башни горел над полосой приборя алый закат, а этот человек вошел и будто принес с собой совсем иную зарю, из тех, что рождаются над золотой степью северо-запада, – а с этой зарей и крики соколов вместо взвизгов чаек, и острые звезды сухого степного неба, горящие в темных глазах так несхоже с ласковым светом звезд южного побережья.

– Вы заклинатель! – вырвалось у Цзисина, и он тут же торопливо добавил: – Прошу прощения, это вышло грубо.

– Ничуть, – белозубо улыбнулся незнакомец, – я даже рад, что вы с первого взгляда угадали. Вэй Тяньху. – И протянул руку возмутительно-бесцеремонно, на манер западных госу-дарств.

¹⁴ Гэ – близкое, неформальное обращение младшего брата к старшему брату или старшему по возрасту другу, часто в сочетании с последним иероглифом имени.

Вэй Тяньху получил свою фамилию поистине неизвестными путями: клана Вэй Далян, потомков Желтого Журавля, одного из семи изначальных кланов, не существовало уже более пятисот лет. После правления легендарных братьев-близнецов Вэй Юншэна и Вэй Юнмэя – один из которых то ли погиб после вторжения «огненной птицы», то ли был непоправимо искалечен, а второй, по слухам, ушел в отшельники, не оставив потомства, – клан какое-то время еще участвовал в общественной и политической жизни династий Чэнь и Цинь, но потом на землях Далян случилась страшная многолетняя засуха, и уцелевшие заклинатели переселились в соседние земли Ляо. На закате династии Цинь один из младших сыновей тогдашнего императора, дальнего родственника близнецов Вэй, благодаря проявившимся клановым чертам смог возглавить то, что осталось от Вэй Далян, и продлить жизнь клана еще на сто лет. Затем Вэй Далян окончательно развалился и рассеялся по другим землям: часть осталась в Чжао Ляо, часть перешла в новосозданный клан Цинь Фэйсюй – отсюда и был родом Вэй Тяньху, пусть и жил большую часть времени в Ляо.

По натуре бунтарь, в старых богов он не верил и пути меча следовать не собирался, но обладал музыкальным талантом и собрал собственную группу из товарищей по клану. Исполняли они разное: народные песни в современной обработке, каверы на зарубежные композиции, положили на музыку многие поэтические шедевры разных эпох; само собой, писали и свое. Казалось, для Вэй Тяньху не существовало никаких границ и рамок, ни жанровых, ни стилевых. Он одевался то в армейские штаны и высокие ботинки, то в бархатные пиджаки и атласные рубашки, то в кожаные куртки и брюки с широкими ремнями; волосы то отпускал, то укладывал причудливыми вихрами, не стеснялся носить ни серьги, ни ожерелья и цепочки, ни браслеты и кольца. Цзисин, с детства предпочитавший красоте удобство в том, что касалось одежды, а с началом работы и вовсе окончательно перелезший в безразмерные толстовки и спортивные штаны, каждый раз ощущал себя рядом с ним пугалом.

Сдружились они накрепко и сразу: Тяньху учил Цзисина играть на гуцине и много рассказывал о мире заклинателей, Цзисин же знакомил нового друга с виртуальным миром юйван – раньше тот сидел только в шэньло, «божественной сети» для внутреннего заклинательского пользования, и поначалу плохо ориентировался в пространстве обычных людей. Впрочем, проблемы у него были не только с юйван: порой Цзисину казалось, что при всех прочих своих дарованиях Тяньху не смог бы самостоятельно и шнурки завязать.

Во времена консерватории от казусов – разогретой в микроволновке ложки с продолжением в виде пожара или отключенного за неуплату электричества – его спасал старый друг, загадочно именуемый А-Линем. И построивший, видимо, неплохую карьеру, раз его фамилия никогда не мелькала в их разговорах даже после бутылки рисового вина – а ведь Цзисин не раз пытался разговаривать с Тяньху. Теперь же почетная обязанность заботы об этом великовозрастном ребенке перешла к Цзисину: и он не мог понять, каким чудом или благословением богов Тяньху дожил до своих лет, ни разу не влипнув в серьезные неприятности.

Боги, впрочем, были склонны отворачиваться от своих детей в самый неожиданный момент. Смерть Тяньху оказалась такой же пронзительной, внезапной и странной, какими были музыка и жизнь.

– Простите, господин цинь, – выдавил Цзисин, вставая. Руки задрожали – в который раз; он побоялся, что столкнет инструмент с подставки неосторожным движением. Опасно было работать в таком состоянии: не испортит покрытие, так навредит себе – как в один из тех разов, когда просто забыл надеть перчатки и плеснул смычку на голую кожу. Ему нужно было успокоиться. Выдохнуть.

Прежде с этим помогала чужая музыка. Теперь – своя.

Цзисин на нетвердых ногах добрался до углового столика: там, в золотистом чехле, отдыхал его собственный гуцин, подарок Тяньху. Сдернул ткань, сел, взял первую ноту, задребезжавшую от нервных пальцев. С силой втянул в себя воздух, через силу же выпустил. Взял вто-

рую. Звук проплыл по комнате – густой и сочный, – медленно истаял в холодном сумраке за окном и теплом свете ламп внутри. Восприятие обострилось, сузилось до крохотной точки: только мелодия, только колебания воздуха, только струны под пальцами правой руки. Левая лежала безвольно. А в голову все лезли, лезли воспоминания.

Первое – точно вспышка.

– Ты же помнишь, Син-ди¹⁵, что искусство игры на гуцине всегда стояло первым в списке необходимых благородному мужу умений¹⁶, – темные глаза Тяньху смеются. – Не самый очевидный выбор в наше время, но я рад твоему интересу. Как назовешь свой инструмент?

– Что ж, мне далеко до героев древности и прославленных мужей, и от меня едва ли ждут великих свершений, – улыбается Цзисин, поглаживая лакированный корпус, выточенный из древесины паотун¹⁷. – Пусть будет Мию.

– «Близкий друг»? Хорошее имя. Верного друга трудно найти, да еще и такого, чтобы понимал музыку твоего сердца.

– Ну тебя же я как-то нашел, Ху-гэ.

Левая рука коснулась струн, приглушая вибрацию. Он отвлекся бы на что-то иное, не на музыку – только вот на что? Последние годы в жизни Цзисина были только работа, работа, работа – и единственный друг. Цзисин всегда думал, что ему не нужно общение, не нужны привязанности; вот, видно, судьба и преподнесла урок. В голове вертелось неоформленное: раскатистый смех – память об этом смехе, фантомное похлопывание по плечу, улыбка, гордая и широкая, острая и белозубая.

Был человек – и человека нет.

Снова вспышка.

– Как... как это случилось? – Цзисину кажется, что он кричит во весь голос, но на самом деле – шепчет, едва размыкая губы.

Чжао Чэньбо сидит боком на перилах балкона, прямо под хлещущими струями дождя, до судорог в мокрых пальцах сжимая меч, и слезы на его лице тут же смывает ливнем.

– Я не знаю! – почти рыдает он, и голос срывается на взвизг. – Я не успел! Когда я догнал их, все было кончено! Под завалом спасти уже было некого!

– Но кто?! Кто мог... почему ты был не с ними?! Ты должен был их охранять! Ты должен был!..

Онемение перекрывает и ярость, и боль. В ушах шумит.

– Они возвращались с концерта обычным путем. Никто не сунулся бы в бывший Далян по своей воле! Я не!.. Там же бури... Там... Наверное, они пытались оторваться, была погоня, их схватили, я не... Я собирался догнать их позже! Они не были одни, ты знаешь?! – снова взвизг, клокочащие в горле хрипы. Так ветки царапают по стеклу, так скрипит старый дощатый пол, так... О чем он думает, боги, о чем... – Я сразу не понял, что они свернули с дороги! Я даже подумать не!.. Я не мог, я!..

Чжао Чэньбо лезет в поясную сумку, руки трясутся, меч опасно гудит, почти выскальзывает на пол. Наконец выдергивает гарнитуру – из тех, понавороченней, с моноклем для съемки. Монокль погнут, стекло треснуло; сбоку мигает зеленым пластинка – юйцзянь. Точно, юйцзянь, сдались заклинателям обычные флешки...

– Забери и спрячь. Никто не должен увидеть запись, ты слышишь? Никто! Я... я посмотрел, и я не должен был, и тебе отдавать не должен, и... – Чжао Чэньбо ругается,

¹⁵ Ди – близкое, неформальное обращение старшего брата к младшему или младшему по возрасту другу, часто в сочетании с последним иероглифом имени.

¹⁶ В Древнем Китае считалось, что благородный муж должен уметь четыре вещи: владеть искусством игры на гуцине, играть в сянци (шахматы), владеть искусством каллиграфии и живописи.

¹⁷ Паотун, или павловния, – ценное садово-парковое дерево с легкой и мягкой древесиной. С древних времен в Китае это один из основных материалов для изготовления музыкальных инструментов.

вытирает лицо рукавом – бесполезно. – Я хотел бы забыть то, что увидел, но уже не смогу. Отдавать ее тебе – очень плохая идея, знаю, я должен был просто уничтожить ее, но...

Цзисин сам не замечает, как рывком подается вперед, прямо под дождь, как выхватывает гарнитуру у отшатнувшегося заклинателя, – приходит в себя, только почувствовав, как вливается в мякоть ладони мокрый, холодный пластик.

Чжао Чэньбо смотрит на него еще одно долгое мгновение: льется по лицам вода, липнут к коже волосы и одежда. Затем улыбается дергано, словно и сам уже мертвец:

– Но вы бы меня не простили. Оба. Прощай. – И прыгает в грозовую тьму, лишь слышится свист лезвия меча, рассекающего воздух.

Конечно, Цзисин посмотрел эту запись – столько раз, что сбился со счета. У его ноутбука не было разъема под юйцзянь, но приятель Чжао Чэньбо помог в свое время найти переходник.

Вероятно, смотреть не стоило. Вероятно, Цзисин обеспечил себя кошмарами на всю оставшуюся жизнь. Вероятно, он бы не заиклился так, не зная, что случилось с Тяньху на самом деле. Вероятно...

Звуки сбегали со струн горной лавиной. Каждый – как камень, грозящий проломить голову, как камни, сыпавшиеся с потолка той пещеры.

Только сейчас Цзисин до конца осознал, что играет. Что играет снова.

Видео запускается с чуть слышимым щелчком. Он видит пещеру: мрачные низкие своды, в дальнем углу сбились в кучу музыканты, в центре стоит Вэй Тяньху, и гуцинь парит перед ним, как в старинных легендах, и пальцы летают по струнам, извлекая странные, страшные звуки, полные отчаяния, скорби, тоски – и гнева. Вокруг него вихрится почти видимая энергия, не давая подойти, не давая остановить смертельную песню, – лишь на периферии изображения мечутся темные фигуры. Одна мелькает перед самым экраном: на мгновение можно различить лицо. Снимает, очевидно, один из похитителей. Он даже не вздрагивает, картинка остается удивительно четкой, словно это лишь глупый фильм, словно все это нереально, словно этого не происходит... Не произошло. Запись длится недолго: всего пару фэнь¹⁸. Под конец стены и пол пещеры начинают ощутимо трястись, кто-то что-то выкрикивает, фигуру Тяньху перечеркивают падающие камни, что-то вспыхивает в вышине, камера дергается, и мелодия обрывается вместе с видео на незаконченной, яростно звенящей ноте. Что-то шумит и скрежещет в темноте.

Чэньбо велел никому ничего не говорить, и Цзисин не говорил – пусть и хотел сначала в каком-то порыве безумия разыскать загадочного А-Линя. Не говорил даже с Чэньбо: на все вопросы тот отмалчивался, и в конце концов Цзисин перестал их задавать. Заклинатель знал что-то такое, из-за чего видео не должно было всплыть.

Это не помогало Цзисину добраться до правды, но не могло и остановить.

Без доступа к заклинательским источникам информации, без права узнавать о ходе расследования ему оставалось немного: только видео – и мелодия.

Последняя мелодия Тяньху.

Цзисин в достаточной мере освоил мастерство игры на гуцине, чтобы попытаться разобрать запись самостоятельно, и столкнулся со строем, граничащим с сумасшествием: казалось, неизвестный автор, если не сам Тяньху, собрал воедино все основные техники игры и перемешал их в ему одному понятном порядке. «Рассеянные звуки» сменялись «плывущими», потом «статичными»¹⁹, потом шли задом наперед, повторялись, обрывались... Цзисин потратил почти два месяца, чтобы разобрать мелодию на слух и сыграть ее, и то не всегда мог поручиться за какой-то отдельный кусок. Оказалось, что если играть ее медленно, то мелодия очень

¹⁸ Фэнь – минута.

¹⁹ Здесь перечисляются основные виды извлечения звука для гуциня: ## (sàn yīn) – «рассеянные звуки», открытые струны; ## (fān yīn) – «плывущие звуки», гармоника; ## (àn yīn) – «статичные звуки», фундаментальный тон.

красива, хоть и очень печальна. Она звала, рассказывала, жаловалась и снова звала – из-за грани, с другого края мира... Из Небесных садов, быть может, или из самого Диюя²⁰. Цзисин сыграл ее столько раз, что выучил наизусть, а потом забросил, не в силах вновь и вновь переживать этот мрак, и камни, и крики, и ярость, и смерть.

Мелодия выматывала все больше, но словно держала его на крючке, не давала забыть. Он просыпался среди ночи с мыслью, что должен сыграть. Он не мог работать – особенно в первый месяц, когда только плакал, играл и снова плакал, падая от усталости.

Недавно Цзисину показалось, что его наконец отпустило – но, видимо, зря.

Он играл теперь словно впервые: слезы капали на струны и звуки рвали тишину вместе с сердцем. Мелодия дошла до места, где обрывалась на записи, – и Цзисин замер, прижав струны пальцами. Они слабо звенели, успокаиваясь, и Мию теплел под руками, почти толкаясь в ладони, словно не обычный гуцинь, а напитанный ци, и...

А потом в дверь постучали.

Вздрыгнув, как застигнутый за чем-то предосудительным или смущающим, Цзисин торопливо стер со щек слезы, накрыл гуцинь чехлом и лишь потом кое-что сообразил. Стучать в дверь было просто некому: во-первых, гостей он сегодня не ждал, во-вторых, об их приходе узнал бы загодя – пусть не через гарнитуру, которую обычно снимал на время работы, но через домовое управление: на экран у входной двери выводилась вся необходимая информация. Мимо умной системы никто не прошел бы так просто. Цзисин не зря поселился именно в этом районе: да, арендная плата выше, но и беспокойства от внешнего мира меньше, не то что в родительском доме, где не просто в дверь постучать могли – на балконе беседу завязывали.

Стук повторился – настойчивый, но деликатный, и Цзисин решил все же рискнуть и выяснить, кому он понадобился. Может, сестре? Он не помнил, чтобы давал Линлань ключи от вестибюля, но он в целом не отличался хорошей памятью в последнее время. Цзисин открыл дверь и удивленно замер: такого он точно не ожидал.

На пороге стоял молодой человек, и один только его внешний вид сбивал с толку: старинные белоснежные одежды перехватывал в талии небесно-голубой пояс с подвесками из красного камня – кажется, нефрита, насколько Цзисин мог понять, минералогией он никогда не увлекался.

Да, он был знаком с некоторыми из заклинателей, но те вряд ли стали бы одеваться так вне резиденций: чаошэны и ханьфу давно уступили место более практичным джинсам, курткам и пальто, и увидеть традиционную одежду можно было разве что на праздниках. Впрочем, заклинатели по-прежнему предпочитали клановые цвета, и белого среди них не было. Он смотрелся на удивление обычно, но вместе с тем как-то возвышенно, навевая мысли скорее о чистоте, чем о трауре.

Возвышенным казался и сам незнакомец.

Очень стройный, очень изящный и весь какой-то эфемерный, как образ на картине в стиле се-и: белые одежды, бледное лицо, черные волосы, угольные росчерки бровей. В период учебы Цзисин изучал старинную живопись и хорошо помнил работы в этом стиле: недосказанные, слегка размытые, зачастую монохромные – лишь тушь и вода на белизне бумаги. Редко-редко встречались цветные мазки других красок – как пояс и подвески незнакомца.

Решив хотя бы попытаться быть вежливым, – мало ли кого к нему принесло? – Цзисин слегка поклонился:

– Доброго вечера, господин. Чем могу помочь?

²⁰ Диюй – царство мертвых, преисподняя в китайской мифологии.

Замерший в странной неподвижности гость моргнул и словно отмер. Улыбнулся едва-едва и что-то сказал. Вроде на языке Жэньго, но каком-то странном: то ли про имя, то ли про судьбу²¹.

– Прошу прощения, господин, я вас не понимаю. Вам нужна помощь? Вы потеряли гарнитуру? Проходите, пожалуйста, – Цзисин отступил в сторону, приглашая гостя в квартиру. Опасности тот вроде не представлял и в целом внушал иррациональную симпатию. Это казалось странным, особенно для равнодушного к людям Цзисина, но он решил пока не противиться внезапному чувству. В конце концов, может, ему действительно нужна помощь? Выглядел гость несколько дезориентированно.

Оказавшись внутри, тот осмотрелся с явным любопытством и сразу же направился в мастерскую. Цзисин поспешил за ним, на ходу цепляя к уху гарнитуру:

– Если вам негде переночевать, я могу поискать недорогой отель поблизости... Или вы по работе? Я могу принять заказ, но приступлю не раньше следующей недели...

Не обращая внимания на его слова, поздний гость скользнул по комнате, задерживаясь у старинных вещей – и смотрясь рядом с ними настолько естественно, будто и правда вышел из древних времен. Едва касаясь, он пробежался кончиками пальцев по чайному набору из Янсяня²². Этот набор из пурпурной глины с узором из огненных пионов Цзисину в свое время подарил Вэй Тяньху на Праздник весны. Они часто пили чай из этих небольших уютных пиал – Ху-гэ особенно любил Байхао Иньчжэнь²³. «Мои предки были в родстве с императорами, Синди, так что мне вполне позволено наслаждаться этим изысканным вкусом, – шутил он. – Твой род тоже не из последних, потому не стесняйся, твоя природная ясность ума только окрепнет от этого чая». Воспоминание о друге вновь кольнуло сердце, но боль вдруг исчезла, словно смытая прохладной водой.

Цзисин резко обернулся – пожалуй, резче, чем стоило, – и незнакомец, словно почувствовав, что перешел черту, убрал руку с его плеча. Глаза его – светло-карие – на мгновение показались Цзисину сияюще-голубыми. Он вновь мимолетно, успокаивающе улыбнулся и плавным, текучим движением переместился к стеллажу с книгами. Бережно взял несколько, лежавших на самом верху, пролистал – и замер ненадолго, пристально вглядываясь в страницы. Цзисин напряженно следил за ним, вмиг задумавшись о том, почему вообще пустил к себе на ночь глядя незнакомого человека, почему тот без малейшего смущения касается и хозяина дома, и чужих вещей, и, главное, почему он сам все это позволяет. Волной накатил усталость; Цзисин несколько раз моргнул – показалось, что силуэт незнакомца подернулся рябью. Не стоило пренебрегать сном... И пускать никого не стоило.

Может, его зачаровали? Если пришелец был заклинателем, то определенно мог это сделать. Он пошарил глазами по комнате, ища, чем смог бы защититься хотя бы от физической атаки.

Гость наконец закрыл книги, убрал их на место, повернулся к нему и заговорил – медленно, но вполне правильно и понятно, не чета предыдущей попытке:

– Прошу простить меня за неучтивость, гостю не подобает оставлять хозяина в неведении столь долго. Доброго вечера, господин. Могу я узнать ваше имя?

– Си Цзисин. А ваше?

– «Си» как «четверка»?

– Да, верно.

²¹ По-китайски «судьба» – # (mìng), «имя» – # (míng). В древних текстах иероглиф «судьба» часто замещает иероглиф «имя». В современном языке значение «именовать» (точнее, «величать») передается последовательностью «судьба + имя» – # (míngmíng). Цзисин, судя по всему, услышал этот глагол или иное старинное выражение, где «судьба» замещается «именем».

²² Янсянь – область на севере Миньцзюэ, исторической территории клана У Миньцзюэ.

²³ Байхао Иньчжэнь (досл. «Серебряные иглы с белым ворсом») – белый чай, который входит в Десятку знаменитых чаев Китая.

– Воистину Небо следует желанию человека, – пробормотал гость и уже громче продолжил: – Рад знакомству, господин Си. Скажите, сколько прошло времени?

– С какого момента? – Внутри росло напряжение. Гость казался все более странным, и Цзисин не знал, почему вообще пытается оставаться вежливым, а не звонит в полицию. – Если вы о том, когда пришли ко мне, то от силы несколько фэнь.

– Нет, я о другом. Погодите... давайте так: как давно случилось Сошествие гор?

– Более полутора тысяч лет назад, – Цзисин ощутил, что начинает сходить с ума. О том, как давно было Сошествие гор, знали даже дети. Да и как вообще можно было о нем не знать? Никогда в жизни не видеть календарь?

Однако незнакомец не выглядел ни безумным, ни глупым.

– Десять лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришел²⁴, – туманно отозвался гость и улыбнулся как-то болезненно. – Вижу, что мир изменился, как изменилось и время, но не думал, что... Впрочем, неважно. Непростительная оплошность с моей стороны спросить ваше имя, а самому не представиться. – Сложив руки в традиционном приветствии, он грациозно поклонился. – Меня звали... зовут Си Ючжэнь.

– «Си» как «четверка»? – глупо уточнил Цзисин.

– Верно.

– А вы... какой именно Си Ючжэнь?

«Боги, что я несу?» В голове мелькнула бредовая мысль: о Белом монахе, о легендарных предках, о временах Сошествия гор, но... Смешно, просто смешно. Мало ли на свете людей со схожими именами? И трудно ли найти информацию о том Си Ючжэне, если очень захотеть?

Но зачем ему это нужно? Чего он хочет?

Цзисин уже хотел улыбнуться, но нервный смех застрял в его горле, когда гость уронил – позабавленно и почти изумленно:

– Тот Си Ючжэнь, полагаю, который сын своих родителей и брат своих братьев Шоуцзю, Сяньцзана и Иши.

– Вы, верно, шутите?

– Почему ты думаешь так, Си-сунь?²⁵ Как видно, путь мой лежал за краем голубых небес, среди неостановимого полета белых облаков²⁶, и сон мой был странен и долог, но теперь я здесь. Скажи, Си-сунь, зачем ты позвал меня?

– Позвал вас?... – Голова вдруг закружилась.

Си Ючжэнь кивнул, указывая на гуцинь:

– Да, позвал. Ты сыграл мне. Зачем?

²⁴ Цитата из сборника «Избранные чаньские изречения» (2002). Перевод В. В. Малявина.

²⁵ Сунь – внук, правнук, потомок по мужской линии.

²⁶ Перефразированная цитата из «Избранных чаньских изречений» (2002): «Мой путь лежит за краем голубых небес – там, где белые облака плывут неостановимо». Перевод В. В. Малявина.

Глава 2. Среди ста цветов дикая слива – самая благородная

Примерно пару фэнь у Цзисина в голове крутились только две мысли: «Небо опрокинулось, земля перевернулась» и «Я наконец сошел с ума, у меня галлюцинации». Сидя у стола с реставрационными принадлежностями, он ощущал, как пульсирует в висках кровь – верный признак приближающейся мигрени, которая мучила его с момента гибели Тяньху. Своими сегодняшними мыслями и очередной попыткой исполнить мелодию Цзисин, видимо, только ускорил ее появление.

Гость – неужели правда *тот самый* Си Ючжэнь? – все это время терпеливо ждал, когда хозяин придет в себя достаточно для поддержания беседы. Он был так странно неподвижен – не слышалось даже дыхания, – что казалось, в комнате его и вовсе нет.

Глубоко вздохнув и с силой проведя ладонями по лицу, Цзисин все же заговорил:

– Давай-ка проясним. – Он тоже перешел на «ты», не видя смысла и дальше притворяться тактичным, кем бы гость ни являлся. – Хочешь сказать, ты Белый монах? И тебя, проспавшего тысячу с лишним лет, призвала игра на гуцине? Не ритуал, не заклинание, не служение в храме, а весьма посредственное музицирование самого обычного человека, даже не заклинателя?

Ючжэнь – Цзисин про себя решил пока обозначать его так – заметно удивился:

– Почему ты так меня называешь? Что это за странное прозвище?

«Это единственное, что тебя смутило?»

– Ну, прозвище придумал не я... Да и не сказать, что об этом много известно, – нехотя признал Цзисин. – Но если уж ты утверждаешь, что действительно Си Ючжэнь, один из легендарных братьев Си, то знай, что я кое-что читал о том времени и сделал выводы.

– Значит, тебе известно больше, чем мне, – спокойно отозвался Ючжэнь. – Я ничем не выделялся среди прочих обитателей монастыря Тяньбаожэнь и не прожил достаточно, чтобы успеть совершить какие-то заслуживающие внимания и памяти поступки. Считается, что радость кроется в обладании славой и высоким положением, но истинная радость – в их отсутствии²⁷. Если меня помнили мои братья, это уже награда.

²⁷ Слегка измененное высказывание: «Люди считают, что обладать славой и высоким положением радостно, а не знают, что радость отсутствия славы и высокого положения – самая настоящая» (Хун Цзычэн «Вкус корней» (около 1600–1612 гг., в эпоху династии Мин)). Перевод В. В. Малявина.

Цзисин начал раздражаться.

– Тогда вынужден разочаровать – тебя хорошо помнят до сих пор. Даже называли Белым монахом, пусть и не все понимают, что он и полумифический Си Ючжэнь – один и тот же человек, в чем я практически уверен. Значит, ты совершил нечто такое, что заставило людей дать тебе это прозвище. Или будешь отрицать? Едва ли ты мог сделать что-то за время своего сна.

– И вновь я скажу, что не знаю, о чем ты говоришь, Си-сунь, – голос собеседника даже не дрогнул. – Поскольку ты – очевидно – из рода Си, я могу заключить, что потомство у братьев моих было крепким и многочисленным. Это невероятно радует меня. Но я и помыслить не мог, что память обо мне осталась не только в их сердцах. Все, что я совершал в своей земной жизни, я совершал, пытаюсь следовать своему пути, как поступил бы любой достойный человек, и путь мой вел меня по земле и небесам. Но, как видно, на небесах я пробыл слишком долго. Мое присутствие причиняет тебе неудобства, Си-сунь, и я сожалею об этом, но не отрицай, что именно ты позвал меня в свой дом.

– Мы снова возвращаемся к мелодии? Почему ты так уверен, что тебя призвал именно я? Напомню: не заклинатель, не монах – простой человек!

– Знаешь ли ты, что это за мелодия?

– Без понятия, – резко ответил Цзисин. Да, он с трудом мог совладать с расшатанными нервами, но еще не настолько потерял голову, чтобы делиться с посторонним историей о Ху-гэ. Об их дружбе не знали толком даже родители и сестра, о его смерти он и подавно не говорил.

– Как же она попала к тебе?

– Случайно. Может, просветишь, раз знаешь больше моего?

– Сожалею, Си-сунь, но полным знанием я не владею. Могу лишь сказать, что ты сыграл мелодию призыва, и я не мог не откликнуться на нее. Теперь я понимаю, что, вероятнее всего, она сработала из-за нашего родства – общей крови неважно, музыкант ли ты, заклинатель или монах. Но откуда она взялась, кто сочинил ее и для чего – это мне неизвестно.

– Звучит как бред. Я ведь играл ее не первый раз! – вскинулся Цзисин и осекся. Не удержался, все же начал болтать... Однако Ючжэнь не изменился в лице, лишь взгляд светлок-карих глаз сделался сочувствующим.

– Значит, сегодня ты вложил в нее нечто такое, что смогло преодолеть время и пространство, как благоухание цветов, которое не может скрыть даже самый густой туман²⁸.

«Цветов, как же, – подумал Цзисин. – Разве что траурно-белых, которые приносят на похороны и сажают на могилах». Ему стало совсем тошно, и, растревоженный воспоминаниями и поздним визитом, он наконец взвился:

– Да что вообще происходит?! Кто ты вообще такой, зачем явился на ночь глядя, зачем задаешь такие вопросы и трогаешь мои вещи? Си Ючжэнь, Белый монах? Это просто смешно! Не знаю, почему вообще иду у тебя на поводу и обсуждаю все это, когда следовало бы просто позвонить в полицию!

Его несло, стремительно и неотвратно. Прежде Цзисин не позволял себе так срываться и в другое время попытался бы загнать гнев обратно, но неизменное спокойствие Ючжэня распаляло все больше и больше.

– Мне нечего сказать тебе, Си-сунь, помимо уже сказанного. Но ты нуждаешься в истине, и у меня нет права лишать тебя ее. Ответь мне, чему бы ты поверил? Что мне сказать или сделать?

Звучало разумно, и Цзисин на мгновение притих. Действительно, как Ючжэнь собирается доказать, что он не сумасшедший и тот, за кого себя выдает? Как бы сам Цзисин поступил

²⁸ Перефразированная цитата из сборника «Избранные чаньские изречения» (2002): «Густой туман не скрывает благоухания цветов». Перевод В. В. Малявина.

на его месте? «Если доказать у него не получится, что весьма вероятно, – подумал он со злым удовлетворением, – то я наконец смогу вызвать полицию и покончить со всем этим!»

– Что ж, – сказал он вслух, медленно выдыхая и прохрустывая сцепленными в замок пальцами в надежде отвлечься, – если ты и правда Си Ючжэнь, расскажи мне про своих братьев.

«Интересно, как ты будешь выкручиваться, – добавил он про себя, – за тот период информации слишком мало».

– Что угодно? – терпеливо уточнил гость.

– Да.

– Охотно. Саньгэ²⁹ всегда любил учиться и обладал прекрасной памятью. Казалось, в его голове скрыты бесчисленные тайники, в которых он хранит любые сведения; неудивительно, что он в двадцать семь лет уже сдал экзамен на государственную службу и получил степень цзиньши³⁰. Как истинный ученый, он никогда не боялся обилия знаний³¹. Жаль только, улыбался нечасто. – И улыбнулся сам, светло и печально.

К злости Цзисина примешалось странное почти смущение – с одной стороны, ничего дельного он, как и ожидал, не услышал, с другой – услышанное казалось очень личным.

– Хорошо, допустим, – отрезал он, – а что-то еще можешь сообщить? Про работу, про должность?

Ючжэнь застенчиво пригладил волосы.

– Служил в ведомстве по надзору за заклинателями, при переводе во дворец ему был присвоен девятый чиновничий ранг... Пожалуй, это все. Сожалею, что так немного. Тебе, конечно, хотелось бы знать больше о своих предках, понимаю.

– Ладно, – Цзисин потер рот, удержавшись от очередного колкого комментария – на этот раз о том, что он хотел узнать на самом деле. – Про других братьев что скажешь?

– Эргэ³² был истинно благородным мужем, чьи помыслы невозможно не заметить. Он вырастил нас с саньгэ, и при всем моем уважении к своим настоящим родителям именно его я почитаю как отца. Не только помыслами, но и талантом он был отмечен: жаль, что и разглядеть тот талант, как яшму в скале и жемчужину в морской пучине, могли немногие³³. Однако, судя по тебе, он все же завел семью и благополучно продолжил род Си. Увы, дагэ³⁴ не сумел сделать того же, но оставался до конца верен себе и сделанному однажды выбору.

– Саньгэ, эргэ, дагэ... Вас все же было четверо?

– Конечно, я ведь сказал тебе в самом начале, – удивился Ючжэнь. – Ты имеешь в виду, о дагэ сведений не сохранилось?

– Можно и так сказать. Я даже имени его не слышал до этого дня. Настолько загадочной личностью был?

– Можно и так сказать, – Ючжэнь вернул ему ответ с мягкой необидной усмешкой. – Мы долгие годы ничего не знали о его жизни, и прискорбно, что узнали больше лишь после его смерти. Как старший сын, он должен был по традиции унаследовать семейное дело, но желал не продавать ткани, а парить в облаках и повелевать стихиями, как заклинатели. У него

²⁹ Саньгэ – обращение младшего к третьему по старшинству старшему брату, в данном случае Ючжэня к Иши.

³⁰ Цзиньши – обладатель высшей степени на экзамене на государственную службу, проводившемся в столице раз в три года.

³¹ Отсылка к пословице «Морю не страшно обилие воды, сокровищнице не страшно обилие драгоценностей; людям не страшно обилие счастья, ученому не страшно обилие знаний».

³² Эргэ – обращение младшего брата ко второму по старшинству старшему брату, в данном случае Ючжэня к Сяньцзаню. Может также использоваться в дружеском общении.

³³ Перефразированное высказывание: «Помыслы благородного мужа – как голубизна небес и блеск солнца: не заметить их невозможно. Талант благородного мужа – как яшма в скале и жемчужина в морской пучине: разглядеть его непросто» (Хун Цзычэн «Вкус корней» (около 1600–1612 гг., в эпоху династии Мин)). Перевод В. В. Малявина.

³⁴ Дагэ – обращение младшего брата к самому старшему брату, в данном случае Ючжэня к Шоуцзю.

получилось, хотя, вероятно, он потерял не меньше, чем приобрел. Не мне его судить. Как я уже сказал, он был готов отвечать за свой выбор и принимать его последствия.

– И в каком клане он жил?

– В Цинь Сяньян, который долгие годы считался исчезнувшим. История Сошествия гор и появления чудовищной птицы тебе наверняка известна.

– Мне наверняка известно лишь то, что клан Цинь Сяньян не существует уже много лет. Из семи кланов фактически осталось только три, Чжао Ляо, Янь Цзи и У Минъюэ. Есть и четвертый, объединивший остатки прочих, – Цинь Фэйсюй. – Против воли Цзисин ощутил слабый укол азарта: что пришелец ответит теперь? – Если ты и правда жил в то время, может, объяснишь, что за стихийное бедствие прозвали Сошествием гор и какие кочевники вторглись на земли Жэньго?

– Кочевники? – переспросил Ючжэнь. В голосе его читалось искреннее недоумение.

– Ну или кто там развязал войну, в которой погибло много заклинателей? Не хочешь ли ты сказать, что и вправду явилась чудовищная птица? – Видя, что Ючжэнь по-прежнему недоумевает, Цзисин застонал: – О нет. Именно это ты и хочешь сказать.

Зажегшаяся было надежда, что он действительно может оказаться *тем самым* Ючжэнем, угасла вновь. Чудовищные птицы? Seriously? Впрочем, тысячелетний сон тоже плохо укладывался в привычную картину мира. С другой стороны, были же заклинатели прошлого бессмертными? Может быть, они тоже впадали в длительные медитации, продлевая тем самым жизнь? В этом Цзисин разобрался мало.

Собеседник тихонько вздохнул – наверное, впервые за время их разговора.

– Уже не знаю, поверишь ли ты мне, Си-сунь, и тем более не знаю, много ли известно в твоём времени о делах минувших дней, но расскажу что смогу. Сошествие гор, пожалуй, можно назвать стихийным бедствием, вот только причиной стали заклинатели. До того шла долгая кровопролитная война между кланами, причины которой и мне неизвестны. Чтобы обрести преимущество в войне и дополнительную силу, клан Чу Юн совершил ужасный, непростительный поступок: призвал своего божественного покровителя, Красную Птицу, и пленил его. Воистину тот, кто жертвует совестью ради амбиций, сжигает картину, чтобы получить пепел. Клан Цинь Сяньян пытался освободить божество и даже преуспел, но Красная Птица уже не разбирал правых и виноватых, и его ярость обрушилась на все кланы. Последствия этой ярости и называли Сошествием гор: как мне рассказывали, горы и правда сходили с места, а реки покидали русла. Более всего пострадали Цинь Сяньян и Чу Юн, но обвинили тогда в случившемся первых, а не вторых. Они скрывались много лет, но объявились вновь, когда частица плененного божества, все это время таившаяся под завалами и набиравшая мощь, вырвалась на свободу в виде чудовищной птицы. Я видел ее своими глазами и предпочел бы не видеть подобного более никогда. Именно в тот день я малодушно подумал о том, что Небо не подчиняется человеку и что судьба – невероятно хрупкая вещь. Тяжело следовать пути во тьме, среди боли и страданий. – Его лицо мимолетно исказилось. – Столько людей погибло тогда, столько заклинателей...

Ючжэнь и звучал, и выглядел искренне, но что-то внутри не давало покоя. О чем еще Цзисин мог спросить? О заклинателях, раз уж их упомянули? Клановые архивы оставались засекречены и по сей день, да и охранялись не хуже большинства министерств. Если этот «предок» сможет что-нибудь рассказать... наверное, Цзисин постарается поверить. По крайней мере, попробует.

Однако как он собирается проверять его слова, если и сам никогда не был в архивах?

Цзисин наткнулся взглядом на гуцинь и все же спросил – не узнает правду, так хоть потешится:

– А что ты можешь рассказать о Хань Дацзюэ? Он ведь жил в одно время с тобой?

Замерший в печальной неподвижности Ючжэнь вздрогнул и слегка улыбнулся:

– О наследнике клана Хань Ин? Благородный муж редкой красоты и различных талантов. Даже если бы он захотел прикинуться обычным человеком, стать и удивительные серебристые волосы ему бы не позволили.

– Серебристые? Не окрашенные, так понимаю, и не седые.

Ючжэнь прикрыл рот рукавом, пряча веселый смешок.

– Конечно же нет. Члены правящей ветви семьи в кланах зачастую отмечены какой-то особой чертой внешности, доставшейся им от божественного покровителя. В клане Хань это цвет волос. Мы виделись всего пару раз, а познакомились, когда я принес важные вести о его семье – не знаю, сохранились ли они до этих дней. Если Хань Дацзюэ впоследствии стал главой клана – а я в этом не сомневаюсь, – то главой добрым и рачительным, он пользовался всеобщим уважением еще будучи наследником. Собственно, именно он помог мне в... некотором предприятии.

«Слишком складно для правды... С другой стороны, если он монах, то говорить умеет. Но может ведь и обманывать. Очень удобно – ничего толком не знает, ни с кем толком не знаком, обрисовывает лишь крохотные детали, которые не проверить...» Однако попробовать проверить еще кое-что Цзисин все-таки мог.

– А с близнецами Вэй ты встречался?

Он знал немного, лишь то, что рассказывал Тяньху, но откровенную ложь различить, пожалуй, смог бы. Ючжэнь отвернулся; Цзисин почувствовал и ликование, и что-то странное – почти обиду. Неужели все-таки врал? Следовало ожидать.

Но тот вдруг заговорил тихо:

– Встречался и в лучшие времена, и в худшие, и первая наша встреча стоит у меня перед глазами так, будто случилась только что. Если бы я не знал, что правящие клановые семьи несут в себе древнюю божественную силу своих покровителей, то убедился бы в этом сразу же, едва увидел братьев Вэй. Покровитель клана Вэй Далян – Желтый Журавль, но их я сравнил бы с хищными степными соколами, прекрасными и свободными. Они были удивительно похожи: старший – Вэй Юншэн, и младший – Вэй Юнмэй. Пожалуй, отличить их можно было лишь по украшениям – Вэй Юнмэй очень их любил, а Вэй Юншэн носил только гуань³⁵. Братья встречали удары судьбы без страха. Без страха вступили и в битву с огненной птицей... Вэй Юнмэй был тяжело ранен. В жестоком сражении нет места красоте³⁶, там остается лишь смерть. Я не знаю, выжил ли он, не знаю, удалось ли мне... – Ючжэнь обхватил себя руками, будто мерз, вновь умолк и после почти бесконечной паузы продолжил нараспев – так читают наизусть древние трактаты или сочиняют стихотворения: – С севера на юг протянулись земли Далян, от сухой пустыни, где рождаются песчаные бури, через золотые степи, расцветающие по весне всеми красками жизни, до горного хребта Куэнь-Лунь³⁷ на границе с Сяньян, где в объятиях можжевельника берет начало Дацзиньхэ³⁸. Там, на склоне, с древних времен встречает рассвет главный храм Желтого Журавля, во дворе которого растет вечноцветущее персиковое дерево. Сам Журавль когда-то отдыхал на его ветвях, и, отмеченное божественным прикосновением, не увядает оно и не теряет цвет, какие бы бури ни проносились над горами...

Цзисин едва не подскочил. Персиковое дерево! Священное место! Ху-гэ рассказывал кое-что о древних землях Вэй Далян, говорил и о том, что у каждого клана были святилища и храмы, посвященные божественным покровителям, и один из храмов, самый главный, строили

³⁵ Гуань – заковка сложной формы или небольшая квадратная шапка, которую мужчины в Древнем Китае надевали на пучок волос. Право делать такую прическу юноши получали по достижении совершеннолетия (двадцать лет).

³⁶ Отсылка к значению имени Юнмэй – «вечно прекрасный».

³⁷ Имеется в виду Куньлунь, одна из крупнейших горных систем Азии. Священна для древних китайцев; считалось, что там находятся даосский рай и столица небесного правителя, а дорогу туда преграждают опасности – огнедышащие горы и волшебная вода.

³⁸ То есть «Великая Золотая река» – имеется в виду Хуанхэ.

рядом с местом, которого коснулось некогда божество. Заклинатели считали, что именно из этой точки раскидывается сетью благословение, оберегающее их земли, и именно в ней стоит возносить молитвы покровителю в случае нужды.

– Не очень-то это дерево помогло клану Вэй, – сказал он, когда тишина начала давить на нервы совсем уж невыносимо. – Будь оно и правду благословлено, их территории не пострадали бы ни от землетрясений, ни от многолетних засух. Сейчас там и жить невозможно: постоянные песчаные бури.

– Какие печальные вещи ты говоришь, Си-сунь. Воистину Небо полно неожиданностей, и его намерения порой трудно постичь. Однако ведя счет пройденному, можно познать грядущее. – Ючжэнь наконец повернулся, его лицо вновь стало безмятежным, как у просветленного или... небожителя?

Кем становились заклинатели, достигнув бессмертия? А монахи?

Цзисин мотнул головой.

– Хорошо, поговорить мы поговорили. Намерения Неба интересуют меня не особо. Если ты и вправду тот, за кого себя выдаешь, продемонстрируй, на что способен.

– Си-сунь, ты же понимаешь, что я монах, а не заклинатель, – с легкой укоризной отозвался Ючжэнь. – Как я тебе что-то продемонстрирую, если у меня при себе нет ни фучэнь³⁹, ни талисманов, ни благовоний?

Невысказанное «и если ты так упорно не хочешь мне верить?» повисло в воздухе.

– Ты уже явно не просто монах, если полторы тысячи лет провел неизвестно где и, судя по всему, не изменился. Где ты был? Что случилось? Ты упоминал, что спал, но этот сон явно не был обычным.

– Ты ведь знаешь, что заклинателей называют бессмертными не просто так? Если они посвящали свою жизнь исключительно совершенствованию, оставляли все мирское и уходили говорить с богами, то срок их жизни удлинялся неимоверно. Вот и у меня вышло примерно так.

– Да, они уходили, но, подозреваю, переставали при этом быть людьми. Я, может, и не биолог, но какое тело продержится даже пару сотен лет? Значит, ты тоже не совсем человек. Значит, что-то да можешь.

Ючжэнь заметно погрузнел:

– Пожалуй, так и есть. Меня учили, что каждый монах должен стремиться к тому, чтобы с помощью духовного и физического совершенствования преодолеть все страсти и желания, достигнуть просветления и приобщиться к дао. И вот я освободился от того, кто я есть, но стал ли я тем, кем могу быть?⁴⁰ И кем я стал в действительности?

– Покажи мне! – потребовал Цзисин. – Покажи, чем отличаешься от человека!

– Ты и правда этого хочешь? – тихо спросил Ючжэнь, и печаль словно наполнила каждую черту его лица. Собственная нечеловеческая природа будто причиняла ему ощутимую боль, но у Цзисина не было сил на жалость. Он словно чувствовал: то, что произойдет сейчас, может изменить все.

– Хочу. Хочу проверить.

«И поверить».

– Наверное, я не тот предок, которого тебе хотелось бы видеть, и не тот, кто мог бы тебе помочь, – непонятно ответил Ючжэнь, осмотрелся и внезапно направился к гуциню, который до того реставрировал Цзисин. Постоял немного, глядя на него, потом простер руку над корпусом и негромко проговорил:

³⁹ Фучэнь (букв. «смахивать пыль») – метелка-мухогонка, один из атрибутов даосизма. Даосы издавна путешествовали по Поднебесной и метелку носили с собой не только как символ своего учения, способный сметать мирские желания и отгонять злых духов, а еще и как оружие.

⁴⁰ Перефразированное высказывание Лао-цзы: «Когда я освобождаюсь от того, кто я есть, я становлюсь тем, кем я могу быть».

– Именем Шуйлуна⁴¹, пусть все станет как было.

Гуцинь окутало слабое сияние, контуры инструмента размылись, он весь подернулся рябью и... Цзисин заморгал, думая, что ему чудится, но нет: на столе стоял совершенно целый гуцинь. Были на месте хучжэнь и струны, которые он лично снял перед работой; корпус сиял свежим лаком, и на изгибах будто проскакивали цветные искры.

Даже если бы Ючжэнь захотел, он не смог бы найти доказательства лучше. Не пришло никакого осознания, не разверзлись небеса, но Цзисин достаточно изучал историю и общался с заклинателями, чтобы знать: не существует известного способа починить инструмент чарами. Будь это возможным, не потребовалась бы никакая реставрация.

А значит, Ючжэнь не лгал.

Цзисин на негнущихся ногах добрался до стола, осторожно тронул гуцинь. Гладкий лак, теплое дерево под пальцами, тонкое звучание струн убедили его в том, что это не иллюзия.

– Как... как ты сделал это? – с трудом выдавил он. Горло перехватило железной рукой. Неужели действительно?.. Неужели это – Белый монах? Его предок?..

Ючжэнь улыбнулся без капли радости:

– Ты верно сказал, что я не совсем человек. Кто я теперь, я и сам не знаю. – Он легко, едва-едва касаясь, тронул струны, и они издали чистый, глубокий звук. – Я просто вернул его к той форме, в которой он был изначально. Вернул его в начало пути. Теперь он снова может петь.

В начало пути? Снова может петь?..

Ху-гэ...

У Цзисина потемнело в глазах. Ноги подкосились, и он упал на колени, схватил Ючжэня за полы одеяния, призрачные, выскальзывающие из рук, будто припал к статуе божества. Молились же ему люди, был же культ... А если, если?..

– Ючжэнь... Господин бессмертный?.. А можно ли... Можно ли так вернуть человека? Ты можешь сделать так с человеком? Я был неправ, я... Я должен был сразу поверить тебе, я не должен был тебя проверять, и если ты... и если ты можешь, я готов... Тебе нужна жертва? Или плата? Я что угодно сделаю, я что угодно достану! Я клянусь! – голос сломался, в глазах стало мокро и горячо. Все исчезло – сомнения, злость, тревога, осталось только звенящее, ослепляющее, слишком огромное для него чувство, неспособное вписаться во вмиг ослабевшее тело.

А если это Ючжэнь его испытывал? А если он сам упустил свой шанс – посмеялся, не поверил? Если?..

– Прости, Си-сунь, – сказал Ючжэнь мягко и осторожно, невесомо касаясь его волос, и Цзисин понял, что услышит, прежде чем тот вновь открыл рот. – С человеком так не получится. Если он погиб, то душа его давно отлетела в Небесные сады. Гуцинь не был мертв, его суть осталась неизменной даже в поврежденной оболочке, а человека после смерти уже нет на земле.

Его не испытывали – Ючжэнь не был таким.

Ему просто не могли помочь.

Когда надежду дарят и отнимают, пусть и спустя всего пару ударов сердца, – это хуже новостей о смерти. Смерть окончательна. Смерть не оставляет вариантов. Но стоит на мгновение поддаться надежде и забыть... Чувствуя, как в горле встает кипящий, перекрывающий дыхание ком, Цзисин неловко дернулся, отшатнулся, пытаясь встать и уйти – куда угодно, в коридор, на кухню, на улицу, на другой конец города, лишь бы не дать постороннему стать свидетелем своей боли, которую, видимо, не удалось ни прожить, ни изжить. Он мог сыграть мелодию сотню, тысячу, десять тысяч раз, он мог играть ее бесконечно, бесконечно мог лежать лицом к стене, сжавшись на полу своей темной квартиры, бесконечно натягивать на лицо

⁴¹ Шуйлун (досл. «Водный Дракон») – одно из двух верховных божеств пантеона Жэньго наряду с Огненным Фениксом. Отец младших богов, верховных покровителей заклинательских кланов.

улыбку, бесконечно отбрасывать знакомых уверенным «все в порядке», бесконечно... Боль тоже была бесконечна. Боль – и плывущая перед глазами мокрая мутная чернота. Он зажмурился, сдерживая жгущие веки слезы, оттолкнул протянувшуюся к нему руку, но Ючжэнь не пустил, удержал его, сам присел возле.

– Не надо, не закрывайся. Не запирай свою боль, – тихо сказал он, бережно придерживая Цзисина за плечи.

Эта бережность – незнакомая, незаслуженная после его грубости и допроса – доломала что-то внутри. Цзисин вдохнул – и разрыдался. Он плакал, почти не осознавая этого, уткнувшись в колени Ючжэня, в мягкую, белоснежную, траурную ткань, а Ючжэнь все так же придерживал его за плечи, не прижимая к себе, но словно защищая от всего мира.

– Поплачь, тебе станет легче, – звучал его спокойный голос, четкий и слышимый даже сквозь шум в ушах. – Ты просто человек, все мы просто люди. Я понимаю тебя, я тоже многое потерял. Твоя рана закроется, ты забудешь о боли – не сегодня, но так будет. Поверь мне, я видел, я знаю... Пусть твою боль унесет Небесная река, на берегу которой ты однажды обретешь все потерянное.

Цзисин уже оплакивал Тяньху – оплакивал не раз, скованный одиночеством своего дома, пряча скорбь от семьи, заказчиков, редких собеседников и коллег, но боль не утихала. Не утихла и теперь: пролитые на чужие колени слезы не принесли смирения, но облегчение – зыбкое, ненадежное – расплзлось в груди, как расплзлись по светлым одеждам влажные пятна.

Пятна высохнут, и вернется боль, но здесь, на короткие, призрачные мгновения он смог вздохнуть свободнее.

Наконец поток слез стал иссякать. С трудом пошевелившись, Цзисин сел прямо на полу. Ючжэнь деликатно отстранился и подобрал под себя ноги, руки сложил на коленях.

– Хорошо, предположим, я тебе верю, – выговорил Цзисин, когда более-менее убедился в том, что совладает с голосом. Благодарить он не стал, вновь извиняться – тоже. Да и по виду Ючжэня непохоже было, что он ждет того или другого. – Ты доказал мне, что ты Си Ючжэнь. Что дальше?

– Давай попробуем разобраться, зачем все-таки ты меня позвал, – отозвался Ючжэнь с почти не раздражающей теперь безмятежностью. – Понятно, что ты сделал это неосознанно, но чем я могу помочь, раз все равно уже здесь?

– Для начала не зови меня Си-сунь, – бросил Цзисин, вытирая глаза. – Чувствую себя странно. Ты предок, и я должен тебя уважать, но...

– Как насчет сянди?⁴² А меня можешь звать Чжэнь-гэ, – просиял Ючжэнь. – Будет новый опыт для меня – побыть чьим-то старшим братом.

Цзисин усмехнулся. Опыт обещал быть интересным.

⁴² Сянди (букв. «милый брат») – вежливое обращение к младшему брату, ученику или другу.

Глава 3. Вода нежнее и слабее всех вещей

43

– Ты не перестаешь меня удивлять! – выдохнула Янь Инцзы, опираясь руками о колени и пытаясь отдышаться. – Никогда бы не подумала, что между шуйдоу⁴⁴ и этим вашим... как там его... столько общего!

– Шацюдоу⁴⁵, – отозвался Чжао Чэньшэ – и даже не запыхался, негодяй! – Морские волны и волны песчаные не слишком-то отличаются: и те и другие подчиняются ветру, который гонит их куда ему вздумается. Смотри. – Он сдвинулся с места и пошел плавным, скользящим шагом, с поворотами и прокручиваниями, с «толкающими» движениями рук, уже хорошо знакомыми Инцзы по клановым тренировкам, а потом вдруг резко ушел вниз и застелился над самым полом, то прокрадываясь вперед и вбок, то резко выбрасывая до того обманчиво спокойные руки. Красиво и опасно, как охота хищной птицы или атака черной кобры – ядовитой змеи из пустынь, которые занимал клан Чжао Ляо.

Змеями их и называли до сих пор в частных беседах; пустынными змеями, а еще затаившимися драконами. Говорили, что из клана Чжао Ляо веками выходили как великие герои, так и великие предатели. Родители Инцзы не стеснялись обсуждать такое при дочери, но та, вопреки их чаяниям, не только не стала держаться от непонятных детей пустынь подальше, но и проявила к ним интерес: отчасти из желания составить собственное мнение, отчасти из чувства противоречия. Желание сделать наперекор *хоть что-то* раз за разом вызывало жгучий, скручивающий внутренности стыд, но сопротивляться ему становилось труднее с каждым годом. Инцзы знала: отец не желал ей вреда, он хотел только блага и ей, и клану, и она хотела того же, но... Но.

Она познакомилась с Чжао Чэньшэ на одном из собраний клановой молодежи, проходивших раз в три месяца, куда наследницу Янь Цзи пусть со скрипом и через раз, но отпускали. Точнее, он познакомился с ней сам: она не решилась бы подойти к незнакомому мужчине, по крайней мере не под ненавязчивым присмотром старших адептов. Однако незнакомец заме-

⁴³ Отсылка к цитате из «Дао дэ цзин»: «Хотя в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет. В мире нет вещи, которая победила бы воду, ибо она нежнее и слабее всех вещей. Известно, что слабое существо побеждает сильное, нежное – крепкое, но никто этого не признает» (Лао-цзы). Перевод Д. П. Кониси.

⁴⁴ Шуйдоу (букв. «водная борьба») – стиль боя заклинательского клана Янь Цзи.

⁴⁵ Шацюдоу (кит. 沙丘斗, где 沙丘 – «бархан, дюна», 斗 – «борьба»; shāqiūdǒu) – стиль боя заклинательского клана Чжао Ляо. Отдельно иероглиф 丘 также означает «холм», «курган», «пустошь», «развалины», «пустой», «уединенный».

тил ее взгляд, приблизился, оказавшись моложе, чем ей подумалось изначально по выправке и серьезному выражению лица, поклонился коротко – вежливо, но на грани приличий – и завел разговор. Цитируя: «Захотел сравнить пустынный ветер с морским».

«Почему бы и нет? Даже если родители узнают, это кажется не слишком предосудительным», – подумала Инцзы, и учтивый обмен репликами быстро перерос в оживленный спор, а затем и в спонтанный спарринг в местном зале. Она проиграла – ожидаемо и неожиданно одновременно, после бесконечных скучных побед в родном клане, где те, кого допускали до тренировок с ней, давно перестали подходить по уровню силы. Она проиграла – и вместе с ожидаемым чувством вины перед отцом и наставниками это вдруг принесло другое, странное, захлестывающее с головой, *неожиданное* чувство. Инцзы была впечатлена, Инцзы была заинтригована, Инцзы была рада – сама не зная чему. Этой поднявшейся вдруг бури хватило, чтобы найти в себе решимость прямо обратиться к отцу и попросить разрешения встречаться с Чэньшэ для тренировок. Кто еще, как не племянник главы другого великого клана, мог помочь ей в совершенствовании боевых навыков? Янь Цяньван, отец и глава Янь Цзи, отказал, даже не став дослушивать.

Инцзы смирилась – на несколько дней, до новых спаррингов со знакомыми адептами. Поначалу она сражалась как обычно, сдерживала силу, контролировала удары, привычно растягивала поединок, пусть и знала, что способна победить быстро, много быстрее. Потом вдруг подумала: не стоит ли начать с наставника? Продемонстрировать, что она действительно может больше, чем ему кажется, что ей нужно что-то новое? Адепты встали против нее втроем; Инцзы не сдерживалась, и бой уложился в три фэнь на всех вместо привычных пяти на одного.

Наставник сказал, что самодовольство и дерзость – не добродетели, а пороки и ей нужно не кичиться силой, а отрабатывать движения. Отец, которому докладывали обо всех ее результатах, даже не обратил внимания.

Но Инцзы, по причинам, оставшимся загадкой даже для нее самой, попыталась снова. После четвертой сорванной тренировки Янь Цяньван вышел в зал лично: понаблюдать, как молодые адепты отчаянно пытаются что-то ей противопоставить, и вдруг встал против нее сам.

– Нападай, – приказал он, и Инцзы внезапно поняла, что ноги ее не держат.

Все тело сковал страх. Отец смотрел безразлично и холодно, и под этим взглядом она не могла шелохнуться. Поняв, что дочь так и не сдвинется с места, он недовольно дернул уголком губ:

– Хотела сильного противника, а теперь нос воротишь?

– Не смею драться с главой, – прошептала она, уставившись в пол и согнувшись в поклоне.

Отец хмыкнул.

– Возомнила, что достигла таких вершин, что глава Янь Цзи и боя с тобой недостойн? Считаешь, что мальчишка из пустынь лучше?

– Конечно же нет, фуцинь!..⁴⁶ Глава... Я не смею... – Инцзы поспешно опустила на колени. Она знала, что не сможет провести даже один удар: подвернется лодыжка, дрогнет рука, сведет пальцы. Напасть на отца? Нет, она не...

– Но смеешь ослушиваться приказов. Разве этому тебя учили? Разве ты не должна быть покорной?

Инцзы была покорной.

Адепты молчали. Не двигался даже наставник. По спине тек холодный пот.

– Я разочарован, Инцзы, – наконец произнес отец. Ей не нужно было поднимать голову, чтобы знать, какое у него сейчас выражение лица. – И полагаю, что досточтимые предки тоже

⁴⁶ Фуцинь – уважительное обращение к отцу.

были бы разочарованы, обрати они на тебя взор в этот миг. Но что же, если ты хочешь опозорить наш клан – прошу. Не думаю, что этот Чжао Чэньшэ продержится долго.

Инцзы отлично знала, кого именно он подразумевал под «досточтимыми предками».

Переговоры с Чжао Ляо заняли еще некоторое время. Пусть клан и не высказал возражений, пребывание Инцзы и Чэньшэ наедине могло скомпрометировать обоих: ее, как незамужнюю девушку, и его, как не только племянника главы, но и жениха его дочери. В конечном счете местом для тренировок была выбрана столичная резиденция Янь Цзи как относительно нейтральное место, позволяющее, однако, не бросать тень на честь Инцзы – что определенно случилось бы, окажись они вне ведомой ее клану территории.

Янь Цяньван напоследок хмыкнул: «В современном мире молодежь слишком вольно относится к устоям и приличиям», но Инцзы, все еще не веря в то, что смогла добиться своего, проглотила обиду. Лишь бы не передумал.

Переговоры тянулись так долго и мучительно, что она утвердилась в мысли: Чэньшэ откажется. Тренировки не разочаруют его просто потому, что до них дело и не дойдет – да, он сам предложил и знакомство, и беседу, и спарринги, но едва ли станет дожидаться, пока новая знакомая разберется со своими проблемами. Однако он дождался – спокойный и невозмутимый, – и их встречи в Синьду раз в две недели постепенно превратились из постыдной прихоти в важную часть жизни.

Тренировки в столице, как и их темп, до сих пор устраивали их обоих, но против воли Инцзы начинала задумываться о том, что хотела бы сама приезжать в Чжао Ляо, а не вынуждать Чэньшэ метаться между городами. Пожалуй, он был единственным человеком, которого она могла считать другом, и ей хотелось отплатить хоть чем-то за его внимание и доброту.

Однако родители... Вряд ли они позволили бы. Оставалось лишь выжимать силы до предела, повторяя чужие движения, и робко мечтать о том, каково было бы увидеть и Ляо, и Вечный Сад, тысячелетия цветущий среди пустыни, и бескрайнее небо над такими же бескрайними песками...

– Здорово у тебя получается сочетать два стиля, – сказала Инцзы вслух, отчасти от искреннего восхищения, отчасти из желания заполнить паузу. Ее размышления, как это часто бывало, слишком уж затянулись. – Наставник не обучал меня ничему подобному.

Чэньшэ негромко хмыкнул. Завершил движение, выпрямился, опуская руки вдоль тела, и лишь после ответил – спокойно, словно даже дыхания не сбил:

– Не иначе твой наставник позабыл о том, что «доу» в названии стиля означает не только «сражаться», но и «соединяться, сливаться», как сходятся вместе две реки, стремящиеся к бескрайнему морю. Стихия вашего клана – вода, вам и в бою об этом стоит помнить.

Инцзы знала, что он не пытается кого-то оскорбить, но прозвучало не слишком-то вежливо. Ей следовало бы вступить за честь наставника и клановую мудрость, повиниться в своей нерадивости: она явно была недостаточно прилежной ученицей, вот и упустила что-то, не зря ведь ее укоряли в самодовольстве... Но Инцзы не стала. Сегодня собственная незначительность ощущалась почему-то особенно остро; что ни говори, что ни делай, она так и останется невзрачным цветком на могучем стволе рода Янь⁴⁷.

Споры же всегда оканчивались ничем. Стоило ли тогда рисковать, упуская шанс научиться чему-то новому?

– Научишь меня, Чжао-гэ?

– Записала меня в шифу?⁴⁸ Прости, госпожа Инцзы, но назвать тебя «дицзы»⁴⁹ мой язык не повернется, – в темных глазах Чэньшэ мелькнуло легкое веселье. – Научу, но сначала покажу еще кое-что.

⁴⁷ Обыгрывается идиома «прививать цветок к дереву» в значении «обмануть, всучить подделку».

⁴⁸ Шифу – обращение к учителю в боевых искусствах со значением «мастер».

Он встал в стойку, медленно повел плечами, словно разминаясь, и сорвался в каскад быстрых резких движений. Исчезли плавность и неспешность, но изящество странным образом осталось при нем: Чэньшэ переходил из стойки в стойку, едва переступая ногами, и совершал такие выпады, что Инцзы невольно прикинула, смогла бы их отразить, стоя против него; решила, что нет. Он был как молния над степью: бесшумный, быстрый и смертоносный.

– Потрясающе! – воскликнула она, не удержавшись, когда заклинитель остановился. Его мускулы подрагивали от затухающего движения, и Инцзы, кажется, даже различала слабое свечение ауры, проявившейся от концентрации ци. – Никогда такого не видела. Что это?

– Не сказать, что кто-то специально скрывал эту технику, – отозвался Чэньшэ, проходя к лавке у стены. Сел, вытянул ноги и промокнул полотенцем волосы – темно-каштановые, а не светлые, как у большинства представителей правящей семьи его клана. Длинные волосы давно не были обязательными для заклинателей, особенно мужчин, но он все равно носил их, на время тренировок забирая в тугой узел и обнажая короткий ежик на висках и затылке. Инцзы думала, что такая стрижка очень ему идет, но иногда против воли представляла, какой роскошной волной лежали бы его волосы, не сбрывай он половину. Впрочем, пожалуй, даже оставшаяся часть, собранная в хвост, не сильно уступила бы в толщине ее собственной косе.

Инцзы словно наяву увидела, как матово блестящие пряди растекаются по его спине, и отчего-то смутилась.

– Так ты расскажешь? – поторопила она, пристраиваясь на лавку рядом и подавая бутылку изотоника. Чэньшэ кивком поблагодарил и тут же выпил почти треть.

– Техника не секретная, просто не входит в официальный перечень Чжао Ляо. Некоторые адепты бодаются по этому поводу со старейшинами, но без особого результата.

– А почему не входит? – удивилась Инцзы.

Чэньшэ усмехнулся – как и всегда, когда она не могла сдержать вопросов, вероятно казавшихся ему слишком очевидными и простыми. Прежде Инцзы расстраивалась, но теперь привыкла: в конце концов, она ничего не могла поделать с разницей в опыте, обусловленной не столько тем, что Чэньшэ был на шесть лет старше, сколько совершенно разным ритмом и образом жизни. Пока Инцзы сидела в резиденции под замком, он мог изучать мир столько, сколько ему заблагорассудится, – статус родственника главы клана оставлял открытыми куда больше дверей, чем статус наследника или наследницы.

Чэньшэ, впрочем, не насмешничал над ней ни словом, ни делом; даже в улыбке его – однобокой, кривоватой, с тающей тенью вызова в уголке – никогда не чувствовалось ни злости, ни пренебрежения.

– Потому что придумал ее один бродячий заклинитель. Своей школы он не основал, вот техника и передавалась от мастера к ученику по случаю и гуляла по всей Жэньго не одну сотню лет. Звали его то ли Лу Гаосин, то ли Лу Шоусин – никто точно не знает. Название техники, однако, сохранилось – «Кулак Без Пределов». Как ты заметила, она отличается большим разнообразием ударов и неожиданными выпадами, но прежде всего в ней важна работа с энергией. Ты знаешь, что в бою создаешь энергетический импульс и посылаешь его через свое тело в противника; после этого энергия рассеивается. Здесь же из-за скорости и быстрой смены движений один импульс можно использовать в разных движениях. Тренируешь не только скорость и умение держать равновесие, но и концентрацию – импульс ведь надо удержать. Выносливость тоже важна.

– Практично, – Инцзы кивнула. – Но в чем здесь искусство?

Усмешка Чэньшэ стала капельку ироничной.

⁴⁹ Дицзы – обращение к личному ученику или ученице.

– Это и не ради искусства создавалось, а для защиты. Если верить хроникам, ученики мастера Лу учились прежде всего оставаться в живых, а потом уже показывать мастерство. В уличных драках «Кулак Без Пределов» и правда полезнее многих традиционных техник.

– Говоришь будто из своего опыта, – попыталась пошутить Инцзы, но неудачно: он чуть дернул бровью.

– Будто? Всякое бывало, госпожа Инцзы. К тому же я всегда открыт новому: при моей работе разнообразие стилей и умение строить любые, даже самые безыскусные комбинации – достоинство, а не порок.

– Удивительно, что с такими взглядами вашу помолвку с наследницей вообще одобрили... – начала Инцзы, не меняя тона, и тут же прикусила язык. «И зачем? – пронеслось у нее в голове. – Ты не знаешь, что он думает об этой свадьбе, ты не знаешь, не обидится ли он. Зачем тогда лезешь? Думаешь, сможешь рассмешить?»

– Прости, Чжао-гэ. Я не хотела грубить.

Впрочем, Чэньшэ все-таки не обиделся, и усмешка на его лице превратилась в улыбку.

– Ничего страшного. – Он поймал ее взгляд, и это почему-то успокоило. – Сестре и самой устои набили оскомину, несмотря на то что в нашем поколении она кажется главной традиционалисткой. Шахэ просто не может демонстрировать свое отношение столь же явно, как, например, я. Дядя еще не потерял надежды подыскать ей более подходящую партию, но, если не найдет, – что же, наши жизни перо этого брака не перечеркнет⁵⁰. И, госпожа, – добавил он вдруг, меняя тему, – следующую тренировку придется отменить. Я должен уехать по работе.

Инцзы удержала готовый сорваться с губ вздох – права расстраиваться у нее не было.

– Кого охраняешь на этот раз?

Чэньшэ работал телохранителем в агентстве, созданном кем-то из его клана, и частенько исчезал на несколько дней или неделю, сопровождая нанимателей. Со своими навыками он мог позволить себе выбирать заказчиков самостоятельно, даже если с запросом обращались напрямую к нему, и явно этим пользовался, пусть и не злоупотреблял. Инцзы не переставала поражаться тому, что глава клана разрешал ему так рисковать своей жизнью: да, Чэньшэ не был наследником, но оставался членом правящей семьи, которому самому было в пору ходить с охраной... Впрочем, порядки в Чжао Ляо существенно отличались от порядков в Янь Цзи. Пожалуй, из всех оставшихся великих кланов они придавали своему статусу меньше всего значения.

⁵⁰ Обыгрывается идиома «зачеркивать/перечеркивать одним росчерком пера». Китайский аналог выражения «поставить крест на чем-либо/ком-либо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.